

**«ВСЕ МЫ... ВЫХОДИМ НЕМНОГО САПОЖНИКИ»:
ПОЭТИКА САПОЖНОЙ ТЕМЫ В РОМАННОЙ ПРОЗЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье определяется и рассматривается одна из сквозных тем романной прозы Достоевского. Поэтика сапожной темы (неразрывно связанной у писателя с темами слова, свободы, творчества, а с другой стороны, лакейства) обнаруживает в качестве одной из доминант русской классической литературы познавательную интенцию, предполагающую понимание человеческой природы как средоточия противоречий и взаимообусловленных противоположностей.

Ключевые слова: романы Достоевского, сапожная тема, поэтика, сочинительство, литература, слово.

O. V. Evdokimova, V. V. Filicheva

**“IT TURNS OUT THAT WE ARE ALL... A LITTLE BIT SHOEMAKERS”:
POETICS OF THE SHOEMAKING THEME IN THE NOVELISTIC PROSE
OF F. DOSTOEVSKY**

The article defines and describes one of the cross-cutting themes of F. Dostoevsky's novelistic prose. Poetics of the shoemaking theme (which the writer closely associates, on the one hand, with such themes as word, freedom, and creativity, but on the other hand, with toadyism) reveals one of the dominants of Russian classical literature – the cognitive intention, which suggests understanding of human nature as a center of contradictions and interdependent opposites.

Key words: Dostoevsky's novels, shoemaking theme, poetics, writing, literature, word.

Исследованию сапожной темы у Достоевского положил начало В. В. Виноградов. В своей известной работе «Школа сентиментального натурализма. Роман Достоевского “Бедные люди” на фоне литературной эволюции 40-х годов» (1924) ученый отметил то удивление, которое вызвало еще у критика «Северной пчелы» пристальное внимание Макара Девушкина к сапогам. С сапогами

герой «Бедных людей», по словам рецензента газеты, «все ... носится и возится». В. В. Виноградову удалось найти этому художественному мотиву место в литературном ряду: «И действительно, Макар Девушкин пишет среди “сочинений” своих новеллу на параллельную “Шинели” тему – “Сапоги”, с диаметрально противоположным разрешением ее» [2, с. 173].

В статье «Сапоги в романе Ф. М. Достоевского “Бедные люди”» (2006) А. Поручко устанавливала генетическую связь сапожной темы в творчестве писателя не только с повестью Гоголя «Шинель», но и с другими его произведениями [8].

Фактические основания проблематизации этой далеко не частной темы состоят в том, что в 12, если быть точным, письмах эпистол-

© ЕВДОКИМОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: kafrusliterat@yandex.ru

© ФИЛИЧЕВА Вера Владимировна – магистр филологического образования, сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург. E-mail: irliran@mail.ru

лярного повествования Девушкин с той или иной степенью подробности рассуждает о сапогах, подошвах, дырках на них, «ветошках» для их обтирки. Всего в романе 23 упоминания обуви, и 19 из них связаны с сапогами. Говорит об этом предмете из «подлого быта» почти всегда главный герой, и по преимуществу применительно к себе.

Завязка сапожной темы в романе заключена в первом же письме героя к героине от 8-го апреля: «Положите так, для карманных денег – все сколько-нибудь требуется – ну, сапожишки какие-нибудь, платьишко – много ли останется? Вот и все мое жалованье» [6, т. 1, с. 17]. «Сапоги» введены в текст романа в качестве вещи первой необходимости, хотя одновременно как будто бы и не стоящей внимания: «сапожишки».

В письме от 12-го июня деталь вновь возникнет, но уже в соотношении с темой слова, еще более тревожащей Девушкина: «Вот, маточка, видите ли, как дело пошло: все на Макара Алексеевича; они только и умели сделать, что в пословицу ввели Макара Алексеевича в целом ведомстве нашем. Да мало того, что из меня пословицу и чуть ли не бранное слово сделали, — до сапогов, до мундира, до волос, до фигуры моей добрались: все не по них, все переделать нужно!» [6, т. 1, с. 47]. Сапоги здесь помещены в ряд признаков, определяющих и характеризующих главное во внешнем облике человека, само его социальное значение, унизительно соответствующих «бранному слову», превращающих его из личности в олицетворенную «пословицу».

Усиливаясь выработать свой «слог», Девушкин все чаще говорит о сапогах. Его мечтания о сочинительстве с неизбежностью омрачает мысль о них же: «А я про себя скажу, маточка, что как моя книжка-то вышла бы в свет, так я бы решительно тогда на Невский не смел бы показаться. Ведь каково это было бы, когда бы всякий сказал, что вот де идет сочинитель литературы и пиита Девушкин, что вот, дескать, это и есть сам Девушкин! Ну что бы я тогда, например, с моими сапогами стал делать? Они у меня, замечу вам мимоходом, маточка, почти всегда в заплатках, да и подо-

шва, по правде сказать, отстает иногда весьма неблагопристойно. Ну что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у сочинителя Девушкина сапоги в заплатках!» [6, т. 1, с. 53–54]. В фантазиях героя, с одной стороны, человек едва ли не замещается сапогами, с другой, находится средство преодоления этого отождествления, противостояния ему, а именно – сочинительство. Так начинает складываться становящаяся в романном творчестве Достоевского устойчивой оппозиции *сапожник / литератор*.

Новый толчок к развитию сапожной темы дает, конечно, эпизод чтения Девушкиным повести Гоголя «Шинель». «Примитивный читатель», «маленький человек», Макар Алексеевич видит гуманистический смысл описания отрывающихся подошв единственно только в том, чтобы читатель захотел и смог заменить старые и худые сапоги новыми: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это шинель кто-нибудь из читателей сделает, что ли? Сапоги, что ли, новые купит?» (письмо от 8 июля) [6, т. 1, с. 63].

В письме от 8-го июля сапоги упоминаются уже не в ряду «внешних покровов», а среди предметов «интимных» – «нижнего платья», в частности. В этом письме герой Достоевского признает почти фатальную власть вещи над человеком: «Конечно, правда, иногда сашьешь себе что-нибудь новое, — радуешься, не спиши, а радуешься, сапоги новые, например, с таким сладострастием надеваешь — это правда, я ощущал, потому что приятно видеть свою ногу в тонком щегольском сапоге, — это верно описано!» [6, т. 1, с. 62]. Здесь очевидно: Девушкин «переводит» гоголевский сюжет о шинели в сюжет о сапогах, но говорит он не только о внешнем любовании новой вещью, а о «сладострастии» – более сильном, греховном чувстве. В романе «Бедные люди» сапожная тема в магистральном своем развитии, правда, не движется в направлении эскалации этого чувства. И вместе с тем автор романа недвусмысленно показывает: чем настоятельнее нужда в вещи, тем более она окружается не бытовыми, а бытийными значениями. Отметим нарастание этой семантической тенденции:

– «Да и сапоги-то у меня больно худы...» (письмо от 3 августа) [6, т. 1, с. 72];

– «...Я уж и не знаю, способен ли я буду в старых-то в должность явиться» (письмо от 4 августа) [6, т. 1, с. 74];

– «...В каких сапогах я завтра на службу пойду! Вот оно что, маточка; а ведь подобная мысль погубить человека может, совершенно погубить» (письмо от 5 августа) [6, т. 1, с. 76].

«Падение» свое, а по сути начало «восстановления» человека в себе герой Достоевского обозначит и новым отношением к сапогам, прежде всего возможностью не думать о них или во всяком случае сознавать их подлинное место в иерархии вещей: «подошва <...> всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги – тоже вздор» [6, т. 1, с. 81]. Он даже сравнил себя с «подошвой своей», освобождаясь тем самым от страха такого сравнения со стороны «других» и «чужих».

В кульминационном для сапожной темы письме – от 5 сентября – герой первого романа Достоевского создаст и расскажет свою притчу. Ее персонажами станут сапожник-мастеровой, которому и ночью снятся сны о сапогах, и «богатейшее лицо», мечтающее о сапогах, но «фасона другого». Притчевое иносказание – «все мы <...> выходим немного сапожники» [6, т. 1, с. 89] – восходит здесь, во-первых, к стихотворению Пушкина «Сапожник» (1829), имеющему подзаголовок «Притча»:

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взял тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!» [9,
с. 174].

Во-вторых, источником «притчи» Макара Девушкина становятся повесть Гоголя «Шинель» (1842), герой которой парадоксальным образом носит «обувную» фамилию Башмачкин, но и, как показала А. Поручко, гоголев-

ская же «петербургская» повесть «Невский проспект» (1834): «Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши ... <...> Сначала я думал, что они сапожники, но, однако же, ничуть не бывало...» [4, т. 3, с. 13].

Притчей в изначальном, родовом смысле делают это сочинение героя Достоевского избранная им (и характерная для евангельских притч) сравнительная структура, а главное – заключительное истолкование непрямого, подразумеваемого смысла рассказанного: «полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать, для себя одного жить <...>; оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!» [6, т. 1, с. 89]. Традиционно весь этот фрагмент романа истолковывается в свете его социальной проблематики [3, с. 187–190]. Сопоставление, предпринятое Девушкиным, обладает, однако, и более широким, даже универсальным значением и, сколь это ни неожиданно, находит известную аналогию в вопросе общеизвестной фольклорной «считалки»: «На золотом крыльце сидели / Царь, царевич / Король, королевич / Сапожник, портной. / – Кто ты будешь такой?». Вопрос предполагает отклик с называнием социальной роли человека, и в то же время и с признанием о его внутренней сущности, о том, кто он таков в своей самости.

Иносказательно высказаться, «сердце отвести» и «образец <...> слогу <...> показать» герою Достоевского и удается только тогда, когда «подошвы отстали», а это значит «покровы спали».

Развертывание сапожной темы в «Бедных людях» делает очевидным тот факт, что она – одна из главных и взаимообусловлена темой слога, литературы, сочинительства; слова в глубинном смысле. На эту тему «облачения» героя в слово не случайно обратил пристальное внимание видный современный филолог [см.: 1, с. 121–151].

В романной прозе Достоевского нами было выявлено 200 фрагментов текста, связанных с упоминанием обуви; сапоги названы 123 раза.

Текст проверялся на наличие лексем «сапог», «сапожный», «башмак», «туфли», «ботинки», «обувь», «обуваться», «подошва». Среди наименований обуви «сапоги» наиболее частотны. Чаще, чем в первом романе писателя, «сапоги» упоминаются только в последнем – «Братьях Карамазовых».

Лейтмотивной деталью «сапоги» становятся не для всех героев, а только для Девушкина, Раскольникова, Разумихина, Рогожина, Степана Верховенского, Шатова, Аркадия Долгорукова, Смердякова. О сапогах Ставрогина, например, почти не говорится.

В портретах героев «сапоги» маркируют не только социальное положение, но в большей мере «состояние души», что находит отражение в типологических характеристиках этой вещной детали. Среди характеристик выделяются две основные: бедные – рваные, в грязи, смазные – (Девушкин, Раскольников, Рогожин, Иван...) – и щегольские – блестящие, лакированные (фон Лембке, Стебельков, Смердяков, «товарищ прокурора»...).

Описание сапог зачастую обозначает сущностно-доминантное в образе, сопутствует героям, переживающим перелом в социальном, биографическом, духовном состояниях.

«Вдруг, как бы потеряв весь рассудок и чуть не шатаясь, подошел он к столу; дорогой наткнулся на стул Птицина и наступил своими грязными сапожищами на кружевную отделку великолепного голубого платья молчаливой красавицы-немки; не извинился и не заметил» [6, т. 8, с. 135], – это говорится в романе «Идиот» о Рогожине.

И в «Братьях Карамазовых» – о Смердякове: «Зато прибыл к нам из Москвы в хорошем платье, в чистом сертуке, очень тщательно вычищал сам щеткой свое платье неизменно по два раза в день, а сапоги свои опойковые, щегольские, ужасно любил чистить особенно английской ваксой, так чтоб они сверкали как зеркало» [6, т. 14, с. 116]. Тема зеркала, начатая в первом романе Достоевского, в последнем тоже совпадает с сапожной.

Лакированные, сильно блестящие сапоги в раннем творчестве Достоевского появятся в

повести «Двойник». Здесь их носит Олсуфий Иванович, от света его сапог порождает недоумение в сознании смотрящего на них Голядкина: «неужели лопнули?» [6, т. 1, с. 217]. Ослепительный блеск обуви Смердякова также «высвечивает» его неподлинность, поддельность, подражательное подобие. «А вы и сами точно иностранец, точно благородный самый иностранец» [6, т. 14, с. 205], – говорит восхищенная лакеем героиня.

В романах «великого пятикинжия» мотивы подобия, лакейства и, с другой стороны, сапожная тема оказываются глубинно связаны друг с другом. Шатов (роман «Бесы») убежден, что «наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому сапоги вычистить» [6, т. 10, с. 111]. Федька-каторжный (герой того же романа) определял Верховенского-младшего как лакея, подчеркивая, что его удел «сапоги чистить» [6, т. 10, с. 427] таким, как Кириллов. И Аркадий Долгорукий, и Версилов (роман «Подросток») тесно увязывают тему лакейства с необходимостью служить другому посредством надевания – снятия сапог и их чистки. В контексте подобных «лакейских» ситуаций образ мастерового-сапожника (ср. притчу Девушкина) уже окончательно лишается снижающих его смыслов: «Я князь, – говорит Версилов, – и происхожу от Рюрика; но почему мне не быть сапожным подмастерьем, если надо зарабатывать хлеб, а к другому занятию я не способен? На вывеске будет: «Сапожник князь такой-то» – даже благородно» [6, т. 13, с. 138].

Открытые в «Бедных людях» оппозиции *сапоги / слово, сапожник / сочинитель*, с той же остротой возобновляются в романе «Бесы». Но здесь они распадутся на антитезы более частные: *сапоги / Пушкин; сапоги / Шекспир; сапоги / «форма красоты уже достигнутая»* [6, т. 23, с. 372–373].

Степан Трофимович Верховенский, откликаясь на новые (нигилистические) веяния среди молодежи, «согласился и с мыслью о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина и даже гораздо» [6, т. 10, с. 23]. Отправляясь же в свое

последнее путешествие, герой сочинит для себя костюм, символической деталью которого станут «высокие сапоги с блестящими гусарскими голенищами» [6, т. 10, с. 411].

Блестящие «литературные» сапоги Верховенского-старшего противопоставлены сапогам смазным, но не «почвенного» Рогожина, а «разной сволочи» с направлением вместо таланта.

Иконографический анализ [7, с. 41–73] сапожной темы, предпринимаемый на материале романной прозы Достоевского, позволяет заключить: тема устойчива в большинстве романов писателя, ей постоянно сопутствуют определенные константные же темы (лакейства, сочинительства) и образующиеся при их встрече оппозиции.

Широта и даже универсальность темы и ее значений основываются у Достоевского не на следовании только Пушкину или Гоголю, но прежде всего на усвоении и вбираении пословичных традиций. В пословицах же, напомним, перемена обуви – показатель перемены жизни: «из сапог в лапти»; «купил сапоги, да не избыл босоты»; «носи и сапоги, да лапотки вперед береги» [5, с. 137–138]. Нельзя упустить из виду, что перемена состояния, преодоление жизненного порога, преображение – не раз рассматривались как главные события и сюжетного, и метафизического планов романов Достоевского.

Пословичное наполнение сапожной темы укрепилось у Достоевского в «Записках из Мертвого дома», книге о каторге и народе. Сапоги, сапожник, сапожный инструмент, сапожный нож, сапожное ремесло здесь – со-

ставляющие сапожной – а вместе с тем и народной – темы, развивающейся в русле пословичных смыслов, которые будут подхвачены, как мы отметили, и в романах.

Символизация сапожной темы совершилась в романах Достоевского также постепенно и завершилась, перейдя в позднейшую литературу, уже за их пределами. Так, говоря о роли литературы в обществе, о том, что литература может быть заменой любой школе, В. В. Розанов в «Опавших листьях», и это весьма характерно, не мог обойти вниманием именно сапожную тему в творчестве писателя: «Достоевский, видевший все это “сложение обстоятельств”, желчно написал строки: “И вот, в XXI столетии, — при всеобщем реве ликующей толпы, блузник с сапожным ножом в руке поднимается по лестнице к чудному Лику Сикстинской Мадонны: и раздерет этот Лик во имя всеобщего равенства и братства”... <...> Сам Достоевский был бедняк и демократ; и в этих словах, отнесенных к будущему торжеству “равенства и братства”, он сказал за век или два “отходную” будущему торжеству этого строя» [10, с. 197].

Подробность бытового вещного мира Достоевского вдруг пришла в соприкосновение с всемирно-историческими движениями, «сапожный нож» оказался символическим орудием «толпы», посягнувшей на ценности христианской цивилизации. И здесь еще раз обнаружила себя открытая Достоевским близость между низкой прозаической мелочью и высоким, онтологическим содержанием человеческой природы и истории.

Список литературы

1. Бочаров С. Г. Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie священной истории // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.
2. Виноградов В. В. Школа сентиментального натурализма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. М., 1976. С. 141–187.
3. Ветловская В. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988.
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.]. М.; Л., 1938.
5. Даляр В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1991.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л., 1972–1990.

-
7. Панофский Э. Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб., 1999.
8. Поручко А. Сапоги в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Русская филология. Тарту, 2006. № 17. С. 38–42.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [в 17 т.]. АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1.
10. Розанов В. В. Собр. соч.: [в 30 т.]. М., СПб., 2010. [Т. 30]: Листва.

References

1. Bocharov S. G. Kholod, styd i svoboda. Istorya literatury sub specie svyashchennoy istorii // Bocharov S. G. Syuzhetы russkoy literatury. M., 1999.
2. Vinogradov V. V. Shkola sentimental'nogo naturalizma. Roman Dostoevskogo «Bednye lyudi» na fone literaturnoy evolyutsii 40-kh godov // Vinogradov V. V. Poetika russkoy literatury. Izbrannye trudy. M., 1976. S. 141–187.
3. Vetlovskaya V. Roman F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi». L., 1988.
4. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: [v 14 t.]. M.; L., 1938.
5. Dal' V. Tolkovyи slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M., 1991.
6. Dostoevskiy F. M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. M.; L., 1972–1990.
7. Panofskiy E. Ikonografiya i ikonologiya: vvedenie v izuchenie iskusstva Renessansa // Panofskiy E. Smysl i tolkovanie izobrazitel'nogo iskusstva. Stat'i po istorii iskusstva. SPb., 1999.
8. Poruchko A. Sapogi v romane F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi» // Russkaya filologiya. Tartu, 2006. № 17. S. 38–42.
9. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [v 17 t.]. AN SSSR, 1948. Т. 3. Kn. 1.
10. Rozanov V. V. Sobr. soch.: [v 30 t.]. M., SPb., 2010. [T. 30]: Listva.